

УДК 347.413

Гюльнара Динусьевна Сафиуллина

научный сотрудник отдела права
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук
г. Екатеринбург
8-950-206-42-71 youthfulness@mail.ru

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

В статье иллюстрируется современная цивилистическая модель представительства, сложившаяся в странах континентальной Европы и России. Выявленные сходства и различия в праве представительства на континенте служат основой для проведения сравнительно-правовых параллелей с англо-американским правом агентирования, а также позволяют раскрыть научную суть существенных характеристик концепции гражданско-правового представительства.

Законное представительство, договорное представительство, действие от чужого имени, комиссия, «трансперсональный эффект», принцип публичности, принцип независимости, доверенность, конфликт интересов, коммерческое представительство.

Право представительства в том виде, в котором оно известно российскому гражданскому праву, безусловно, по всем своим основным характеристикам является институтом континентального права¹ как и большинство российских гражданско-правовых институтов.

В настоящее время в сравнительном правоведении никого не удивит описание различий между англо-американским и континентальным подходом при анализе какого-либо частно-правового института. Однако это не исключает наличие особенностей в правовом регулировании какой-либо сферы отношений в национальном праве конкретных государств, объединенных под одной правовой семьей (системой права). Право представительства в этом смысле не является исключением. В мировой юридической науке широко известны трудности унификации отношений представительства, возникаю-

---

¹ Континентальная концепция представительства приводится в соответствии с доктриной и законодательством России и ряда европейских государств: прежде всего Германии, Нидерландов и Франции.

щие при попытке сближения цивилистической и английской моделей. Однако при сравнении правового регулирования данных отношений в ряде конкретных стран континентальной Европы обнаруживаются отличия, исследование которых небезынтересно для сравнительного правоведения и науки российского гражданского права.

Современное гражданское право на континенте проводит обязательное различие в праве представительства, основанное на использовании критерия – источник (происхождение) полномочия. В соответствии с ним представительство делится на законное, возникающее на основании нормативного предписания, и добровольное, иначе называемое консенсуальным, возникающее на основании волеобразующего акта, сделки [8, с. 6]. Данное различие в праве представительства известно немецкому, голландскому и французскому праву¹. Полномочие агента в случае консенсуального представительства может быть сведено к согласию принципала (реально выраженному или очевидно следуемому из обстоятельств), которое должно быть представлено. Право агента создавать юридические права и обязанности для принципала происходит из акта самого принципала (уполномочие). Сущность законного представительства, с другой стороны, характеризуется тем обстоятельством, что полномочие представителя вытекает из предписания закона или судебного решения по конкретному юридическому вопросу (присуждение отцовства, например), и наделение представителя полномочием актом другого лица не требуется. Законное представительство служит нескольким целям в праве, и поэтому данный термин охватывает ряд категорий представительства. Наиболее важные из них это представительство от имени несовершеннолетних и лиц, не полностью дееспособных, и представительство в корпоративных отношениях (действия органов юридических лиц в коммерческом обороте²). Также

---

¹ В России деление представительства на законное и добровольное упоминается еще в дореволюционной литературе и дореволюционном регулировании. Работа Нерсесова Н.О., посвященная праву представительства, открывается с этого деления [2, с. 27].

² Корпоративное представительство, по господствующему мнению, в российском праве не является представительством по смыслу самостоятельного института. Действия органов юридических лиц считаются действиями самих юридических лиц. [1, с. 92]. Между тем другие страны континентальной системы придерживаются иного подхода. Голландский ученый Верхаген, например, отмечает, что в голландском праве действия органов юридических лиц, уполномоченных учредительными документами, являются корпоративным представительством, которое занимает промежуточный характер между законным (публичным) и договорным (частным) представительством. С одной стороны, юридическое лицо самостоятельно определяет тех, кому будут принадлежать соответствующие полномочия, и их содержание устанавливается учредительными документами. С другой стороны, категория данного представительства зависит от внутренней структуры орга-

представительство, возникающее в связи с режимом общей совместной собственности, и представительство в силу необходимости (действие в чужих интересах без поручения/*negotiorum gestio*) относятся к представительству в силу закона.

Институт агентирования в английском праве, напротив, в принципе исходит из понятия представительства как возникшего на основании воли представляемого лица и, соответственно, в основном является сравнимым с гражданско-правовым консенсуальным представительством. Хотя в английском праве встречаются и некоторые случаи представительства в силу закона (*agency by operation of law*). Они касаются в основном представительства мужа и жены и представительства в силу необходимости. Законное представительство как общий институт защиты лиц недееспособных и ограничено дееспособных английскому праву не известен.

Консенсуальное представительство на сегодняшний день в странах с цивилистической концепцией права – это договорный институт, во многом претерпевший влияние коммерческого права¹. Функцией института консенсуального представительства в современном мире бизнеса является способствование развитию коммерческого оборота (предоставление возможности участникам претерпевать юридические последствия посредством действий других лиц), а юридической основой института является правовой акт, выражающий согласие представляемого лица. Соответственно, определяющим моментом консенсуального представительства является объективная конструкция выражения воли.

Наоборот, законное представительство характеризуется безотносительностью воли лица быть представленным. Юридическое представительство, созданное специально для защиты лиц, не способных приобретать гражданские права и обязанности своими действиями, в основных принципах отличается от добровольного (консенсуального) представительства.

Консенсуальное представительство тесно связано с принципом юридической автономии: лицо само выбирает, будет ли оно действовать через представителя и в каком объеме наложить на него полномочия. Это качество определяет тот факт, что консенсуальное представительство является отдельным институтом и рассматрива-

---

нов юридического лица, и поэтому тесно связана с законодательством, регулирующим деятельность юридических лиц различной организационно-правовой формы [8, с. 8].

¹ Под коммерческим правом подразумевается набор юридических доктрин, противоречащих традиционным цивилистическим началам гражданского права, но оправданных идеей коммерческой необходимости. К таковым в гражданском законодательстве относится, например, переуступка права требования *без согласия кредитора* [10, с. 438].

ется в частном праве автономно от законного представительства. В сфере международных отношений между хозяйствующими субъектами консенсуальное представительство представляет принципиальный практический интерес. По этой причине оно привлекает пристальное внимание ученых-компаративистов.

Добровольное (консенсуальное) представительство в гражданском праве стран континента знает традиционное деление на прямое (реальное) представительство и косвенное (производное) представительство. Прямое представительство является родовым представительством. Данное деление носит концептуальный характер. Примерами прямого представительства в российском гражданском праве являются договор поручения и акт выдачи доверенности; примером косвенного представительства является договор комиссии.

В случае прямого представительства представитель действует **«от чужого имени»**, юридически связывая представляемое лицо и третье лицо, и сам выбывает из отношений между ними. Происходит, как это принято говорить в континентальной доктрине, «транс-персональный» эффект. *Действовать «от чужого имени» в гражданском праве означает, что третье лицо знает или должно знать от самого представителя или из обстоятельств дела о том, что договор заключается с представляемым лицом.*

В случае косвенного представительства представитель действует **«от своего имени»** и сам становится участником сделки с третьим лицом.

Для того чтобы обозначить исходные идеи, лежащие в основе отграничения двух этих взаимоисключающих концепций, нужно обратиться к истории возникновения представительства на континенте. В сравнительно-правовой литературе исторический анализ института представительства проиллюстрирован в двух наиболее цитируемых работах: книге Р. Циммерманна «Обязательственное право. Основы римского права в цивилистической традиции» [9] и книге К. Цвайгерта и Х. Кетца «Введение в сравнительное правоведение» [10].

Традиционно история возникновения большинства юридических явлений в континентальной системе начинается с римского права. Классическое римское право не знало концепции представительства как возможности приобретения гражданских прав и обязанностей чужими действиями. В силу принципа личной природы обязательств, выраженного в максиме *«alteri stipulari nemo potest»*¹, невозможно было применить ни договор в пользу третьего лица, ни представительство как юридически самостоятельную категорию. Договор *mandatum*, впоследствии ставший прообразом прямого

---

¹ «Никто не может стипулировать за другого» (Ульпиан Д. 45.1.38.17). Максима касалась не стипуляции, а договора в целом.

представительства в гражданском праве, не давал права представителю, мандатарю, юридически связывать принципала и третью сторону. Только в исключительных случаях римское право признавало возникновение юридических последствий в результате действий посредника¹. Эти случаи в определенной степени можно сравнить с прямым представительством.

В средние века юридическая теория представительства не развивалась.

Юристы XVII в., называемого веком римско-голландской юриспруденции, заложили в большей степени в противовес римской юриспруденции фундаментальные аспекты права представительства, которые имеют юридическое значение в современном мире. Прежде всего они разработали концепцию прямого представительства или договора о представительстве², где представитель выбывает из сделки, заключаемой им от имени другого лица, используя образ римского договора мандата и этот термин. Данная концепция разбивает максимум, провозглашенную Ульпианом: *alteri stipulari nemo potest*, и таким образом позволяет лицу в гражданско-правовом обороте приобретать права и обязанности чужими действиями. Это достижение принадлежит юристам естественно-правовой школы [10, с. 432]. Наибольшая роль в разработке концепции прямого представительства отводится голландскому ученому Гуго Гроцию, который впервые отделил договор представительства от договора в пользу третьего лица [9 с. 45, 46]. Это отличие до сих пор является фундаментальным в гражданском праве стран континентальной системы. Р. Циммерманн следующим образом описывает его. Единственной общей чертой между родовыми договорами (договором в пользу третьего лица и договором прямого представительства) является то, что независимое третье лицо приобретает права к сделке, заключенной между двумя ее участниками. Представительство имеет место в ситуации, где одно лицо (агент), уполномоченное третьим лицом (принципалом), заключает договор в интересах последнего с другим лицом с таким результатом, что заключенный договор будет иметь правовой эффект между принципалом и этим другим лицом. Таким образом, основным отличием представительства от договора в пользу третьего лица является то, что принципал в любом случае становится стороной договора, заключенного агентом; агент выполняет только роль проводника и на его стороне не возникает никаких правовых последствий.

---

¹ Капитаны кораблей, лица владевшие пекулием, приводятся в качестве примера лиц, действовавших в чужих интересах [10, с. 432].

² В российской дореволюционной литературе отношения консенсуального представительства назывались договором о представительстве [3, с. 374]. Сегодня этот договор носит название «поручение» и сохраняет все свои признаки.

В другой ситуации третье лицо приобретает только право предъявить исполнение. Оно не становится стороной договора, который заключается, и приобретает правовую силу между кредитором и должником. То есть наделение обязанностью исполнить договор мыслимо только в представительских правоотношениях; договор, заключенный не только к пользе другого лица, но и налагающий бремя обязанности на третье лицо недопустим в гражданском праве. Если посмотреть на волю участников правоотношения, можно установить, что агент акцептует обещание от имени принципала, тогда как должник в договоре в пользу третьего лица выражает волю действовать от своего имени в интересах третьего лица. Такая система взглядов позволила Гуго Гроцию констатировать, что если лицо действует от имени другого лица с целью приобретения вещи, то право собственности возникает у лица, от чьего имени действует представитель. Кристиан Вульф дополнил этот вывод: если договор заключается посредником, действующим в соответствии с инструкциями представляемого лица, такой договор не только создает права для него, но и налагает соответствующие обязанности. Для признания юридической силы за действиями посредника стало необходимым введение в гражданское право требования о наличии надлежаще осуществленного полномочия¹.

Помимо концептуальной находки, естественно-правовая школа опираясь на содержательную базу теории естественного права и провозгласив принцип свободы воли, на котором строятся все договорные отношения, обосновала гражданско-правовые начала права представительства. В соответствии с положениями гражданского права стран континентальной Европы и России представитель не может обязать принципала опираясь только на наличие полномочия. Для возникновения представительского отношения континентальная система выдвигает специальное требование: агент должен действовать от имени принципала и следовательно должен свидетельствовать перед третьим лицом о том, что он не действует от своего имени. Это **принцип публичности**, который частично был введен и обоснован Гуго Гроцием и школой естественного права [9, с. 46, 47]. Принцип публичности основан на автономии воли. Одним из аспектов автономии воли является то, что лицо свободно решать, с кем вступать в договорные отношения. Та-

---

¹ Единственным отличием теории Гуго Гроция от современной трактовки концепции представительства является то, что Гуго Гроций обосновывал возможность возникновения права представлять другое лицо как право, берущее свое начало из представительского договора, а не из независимого акта наделения полномочием. Поэтому в кодификациях гражданского законодательства XIX в. (Нидерландский гражданский кодекс 1838 г. и Французский гражданский кодекс) представительство не было представлено как самостоятельный правовой институт, и нормы о нем содержались в разделе, регулировавшем договор мандата.

кая свобода договора отсутствует до тех пор, пока третье лицо не знает, что вступающая с ним в договорные отношения сторона действует как представитель, а не выступает в своих собственных интересах. Пока третье лицо не понимает, что другая сторона действует как представитель, оно может выражать волю на заключение договора только лично с представителем¹. Принцип публичности выражает себя в праве представительства в характеризующем концепцию признаке «действие от чужого имени».

Не зря прямое представительство называется родовым. Возникнув раньше коммиссионного договора, концепция действия «от чужого имени» определяет типичные признаки представительства в гражданском праве в первую очередь.

Введение концепции косвенного представительства в систему гражданского права оправдывалось идеей коммерческого удобства. Конструкция действия за счет другого лица, но от своего собственного имени, без возможности юридически изменять правовое состояние представляемого лица служит определенным экономическим целям и лишена трансперсонального эффекта².

Когда лицо в гражданском праве заключает договор от своего имени, оно само становится стороной основного договора, а в результате косвенного представительства между представляемым лицом и третьим лицом не возникает юридических отношений, и представитель приобретает всю полноту прав и обязанностей по отношению к третьему лицу.

---

¹ Требование свидетельствовать перед третьим лицом о наличии представительских полномочий в континентальной системе понимается в широком смысле. Не обязательно, чтобы представитель явно констатировал, что он действует «от чужого имени», то есть непосредственно называл имя принципала; достаточно того, что обстоятельства, при которых заключается договор, указывают на наличие представительских функций агента. Таким образом соблюдается принцип публичности.

² Как уже отмечалось, в гражданском праве существуют доктрины, построенные на гражданско-правовых началах, и доктрины, которые введены в гражданское право, но обоснованы экономической целесообразностью. К таковым в праве представительства относится договор комиссии, правила о котором в странах с дуалистическим подходом к частноправовому регулированию (в Германии и во Франции) помещены в коммерческий кодекс. Другой подход характерен для голландского права, которое помещает нормы о договоре комиссии в раздел регулирования отдельных видов договоров в гражданском кодексе и трактует этот договор как представительский наряду с договором мандата. Аналогично голландскому праву поступает российское позитивное регулирование, хотя в российской юридической доктрине на сегодняшний день не прослеживаются взгляды, трактующие универсальность концепции представительства в целом, которые объединяли бы прямое и косвенное представительство «под одной крышей» и как результат обосновывали бы необходимость применения правил о представительстве, содержащихся в общей части Гражданского кодекса, к коммиссионным отношениям.

Если третье лицо не имеет никакого представления о том, что лицо, с которым оно заключает договор, действует по чужому поручению, то возникает такая разновидность представительства, как «спрятанное» представительство (hidden representation)¹.

«Классическими» случаями косвенного представительства являются отношения, называемые французским словом «комиссия», где представитель называется комиссионером. Если между сторонами заключается договор комиссии, то договорных отношений между принципалом (комитентом) и третьим лицом не возникает. Договор между комитентом и комиссионером является представительским несмотря на то, что в отношениях с третьим лицом агент выступает полноценным контрагентом. Это верно также, когда третье лицо знает, что комиссионер выступает в интересах другого лица и даже может знать в интересах какого именно. Из всего сказанного следует, что комиссионные отношения являются **косвенным представительством** и не могут квалифицироваться как отношения *нераскрытого («спрятанного») представительства*, где третье лицо абсолютно не знает о том, что агент выступает в чужих интересах².

Понятие договора комиссии легально закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации в статье 990:

По договору комиссии одна сторона (комиссионер) обязуется по поручению другой стороны (комитента) за вознаграждение совершить одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента.

По сделке, совершенной комиссионером с третьим лицом, приобретает права, и становится обязанным комиссионер, хотя бы комитент и был назван в сделке или вступил с третьим лицом в непосредственные отношения по исполнению сделки/

Договор комиссии широко использовался и используется до сих пор в национальном и международном бизнесе прежде всего в коммерческих целях. Юридическая наука приводит следующее экономическое обоснование его возникновения.

Представим, что *А* (продавец обуви) закупает ее в больших количествах от *П* (производителя), а далее перепродает ее другим фирмам. В такой ситуации *А* несет на себе полностью предпринимательский риск того, что товар перестанет пользоваться спросом вообще или за него будет предложена низкая цена на рынке. Если *А* захочет разделить этот риск с *П*, то они могут договориться дейст-

---

¹ Ситуации «спрятанного» представительства выделяются в западноевропейской юридической науке [8, с.36].

² Данная квалификация комиссионных отношений и сравнение их с доктриной нераскрытого представительского (агентского) отношения, которая имеет место в прецедентной системе, необходима для сравнительно-правовых целей, а также для того, чтобы определить общие черты комиссии и поручения.

вывать на началах «комиссионного договора». В соответствии с комиссионным договором *A* продает обувь оптовым покупателям «от своего собственного имени», и как результат – оптовые покупатели будут приобретать договорные права по отношению к *A* (ответственность *П* по заключенному договору будет исключена), хотя они могут знать, что *A* действует в интересах *П*. Тем не менее, если *A* действует в интересах *П*, то экономический риск его сделок с третьими лицами будет полностью лежать на *П*, и *A* будет рисковать только процентом (комиссией), приобретаемым с продаж обуви.

Комиссионный договор по сравнению с дистрибьюторским соглашением явился более выгодной формой юридического оформления экономических отношений в цепочке продаж. Дистрибьютор, закупаая товар у собственника, сам становится собственником, и поэтому несет бремя всех экономических рисков. Комиссионер, обязываясь перед комитентом, не приобретает в собственность вещи, становящиеся предметом комиссии (на это указывает юридический признак «действие за счет комитента», упомянутый в дефиниции комиссии)¹. Комиссионное вознаграждение поступает к комиссионеру пропорционально количеству реализованного товара.

Представительство в комиссионных отношениях носит *косвенный* характер, поскольку лицо (представитель) действуя в интересах и к выгоде другого лица (представляемого), не создает по общему правилу для него юридических прав и обязанностей, поскольку сам становится исполняющей стороной в сделке с третьим лицом. Такая существенная характеристика представительства? как возможность перенесения прямого правового эффекта на лицо, не участвовавшее в договоре (сделке), присущая отношениям, возникающим из договора поручения и акта выдачи доверенности, в комиссионных отношениях отсутствует. Голландский цивилист Верхаген Х.Л.Е. называет комиссию «мандатом без полномочия»².

Прямое представительство и косвенное представительство, действие «от чужого имени» и действие «от своего имени» с юридической точки зрения в своем узловом значении отличаются друг от друга тем, **кто будет юридически связан с третьим лицом**. Юридические последствия заключения сделки во исполнение возложенного полномочия в прямом представительстве – сделка заключена между принципалом и третьим лицом. Юридические последствия комиссии – сделка заключена между комиссионером и

---

¹ В п. 1 ст. 996 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено правило: «*Вещи, поступившие к комиссионеру от комитента либо приобретенные комиссионером за счет комитента, являются собственностью последнего*».

² Это название условно. Система гражданского права включает признак о необходимости наличия полномочия в совокупности признаков, присущих комиссии как представительскому отношению. Полномочие комиссионера трактуется как «компетенция выступать косвенным представителем».

третьим лицом. В основе построения двух конструкций представительства лежит идея частноправовой природы договора: *договор создает права и обязанности только для лиц, в нем участвующих*.

Континентальное право четко выделяет в отношениях представительства внешнюю и внутреннюю стороны. Поручение и комиссия оформляют внутреннюю сторону отношений между представляемым лицом и представителем. Внешняя сторона отношений между агентом и третьим лицом регулируется правилами, закрепленными в общей части Гражданских кодексов европейских государств. В России это глава 10 Гражданского кодекса Российской Федерации «Представительство. Доверенность» (ст. 182-189).

Это произошло благодаря открытию, сделанному в 1847 г. в континентальной системе, которое выделило «полномочие» как особый юридический акт наделения доверителем поверенного правом заключать сделки с третьими лицами¹. До XIX в. такое различие не играло самостоятельной юридической роли. До этого времени считалось, что наделение полномочием всегда исходит из договора и не может быть от него отделено. Французский гражданский кодекс до сих пор рассматривает наделение полномочием только в рамках специального договора [10, с. 434].

Йеринг первым высказал идею, что не только договор представительства может послужить основанием возникновения полномочия представлять, но и другие договоры, например трудовой договор или договор о совместной деятельности. Согласно Йерингу? выражение *mandate* характеризует внутреннюю сторону представительского договора, выражение «представитель» характеризует внешнюю сторону этого договора. Йеринг утверждал, что одна сторона представительства абсолютно не зависит от другой стороны представительства, и их совпадение носит «чисто случайный характер»: существуют лица, наделенные представительскими функциями договором мандата, но не являющиеся представителями; существуют также лица, не наделенные представительскими функциями договором мандата, но являющиеся представителями [см.: 9, с. 15]. При этом Йеринг считал, что внутренняя и внешняя стороны представительства – это элементы одного правоотношения – договора мандата.

Окончательный шаг был сделан Лабандом. Он также остался на позиции, что полномочие и мандат это две стороны одного отношения, но они имеют автономную природу, хотя часто, фактически перекрывая друг друга, выглядят как одно юридическое отношение. По его мнению, договор мандата касается обязанностей

---

¹ История возникновения доверенности в системе гражданского права на континенте целиком приводится по работе голландского ученого Х.Л.Е. Верхагена [8, с. 15-21].

агента и компетенции агента по отношению к принципалу, тогда как акт наделения полномочием дает возможность агенту юридически связать принципала и третье лицо. Он предложил регулировать эти понятия самостоятельно, так что рамки продолжительности и пределов полномочий (определяющие, когда представитель *может* действовать, изменяя своими действиями юридическое состояние представляемого лица) должны отличаться от договорного правоотношения (содержание которого определяет, что представитель *должен* делать). Лабанд также доказал, что не только мандат и полномочие должны быть отделены концептуально, но и их юридические последствия: агент может быть надделен полномочиями, но действовать *не в соответствии с обязанностями*, вытекающими из договора мандата. Можно отметить, что стартовые идеи Лабанда легли в основу немецкого правового коммерческого института Procura. В соответствии с Общим Германским Коммерческим кодексом 1861 г., полномочие агента, зарегистрировавшегося как Prokurist, было легально предопределено, включая в себя все действия агента, совершенные им во исполнение всего относимого к нему бизнеса. Ограничения, установленные договором между принципалом и агентом и даже известные третьей стороне, были безотносительны к границам Procura.

Аргументация, предложенная Лабандом, впоследствии получила в немецкой юридической науке название «абстрактный принцип» (Abstraktionsprinzip) или «принцип независимости». Самым важным выводом из этого принципа является суждение о том, что **агент надделен большими юридическими возможностями по отношению к третьему лицу, чем установлено представительским договором.**

Констатация того, что мандат и полномочие – две независимые концепции с независимыми юридическими последствиями (принцип независимости), оказала существенное влияние на науку и позитивное право. Эти положения были легально закреплены в национальном законодательстве Германии, Швейцарии, Швеции, Италии, Греции, Японии и Нидерландов.

В общем праве Англии представительство как автономная юридическая концепция не было развито до начала XIX в. Вплоть до этого времени агентирование оставалось «неорганизованным явлением, правила о котором были разбросаны по другим доктринам», таким как отношения работника и работодателя, адвокатские услуги, держание вещи, иски о возмещении долга и перерасчете [7, с. 3]. Книги по агентированию не издавались до 1811 и 1812 гг. [5; 6]. Многие концепции права агентирования, такие как доктрина нераскрытого агентского отношения и доктрина эстоппеля как юридические основания ответственности принципала за действия не надлежаще уполномоченного агента, были детально разработаны в XIX в. Различие между компетенцией агента в его отношениях с принци-

палом и внешними правами по отношению к третьему лицу не было «рационализировано» до 1925 г. Тем не менее уже в XVIII–XIX вв. встречаются решения английских судов, разрешавших правовые ситуации с превышением полномочий. Для английских судей не было никакого сомнения в том, что агент может действовать в рамках своих правовых возможностей, нарушая при этом обязанности, установленные договором агентирования путем совершения действий, не соответствующих инструкциям принципала. Английское право достигло того же результата, что и юридическая теория на континенте, путем разрешения конкретных дел с применением минимума систематизации и концептуального вменения без необходимости конструирования такой работающей гипотезы, которую предложил Лабанд.

На сегодняшний день разница между выдачей доверенности (наделение полномочием лица односторонним волевым актом) и договором на представительское полномочие нормативно закреплена почти во всех современных гражданских кодексах стран континентальной Европы.

На практике такое теоретическое различие, как указывают Цвайгерт и Кетц [10, с. 435], не имеет особого значения, но на структуру нормативного регулирования оно оказало влияние. Правила, касающиеся наделения полномочием, объема предоставленных прав, их продолжительности и вопросы ратификации (последующего одобрения представляемым лицом сделки, совершенной с выходом за пределы полномочий) нормативно помещены обычно в общую часть гражданского кодекса. Нормы общей части о представительстве справедливо можно назвать результатом высокой юридической абстракции. В результате такого подхода представительство рассматривается как правовой институт. Наряду с этим, самостоятельному нормативному регулированию подлежат разные виды представительских договоров, обычно поручение и комиссия. Таким образом, если лицо уполномочено совершать представительские действия на основании выданной доверенности, то возникающие в связи с этим правоотношения будут регулироваться нормами общей части о представительстве. А если лицо уполномочено на совершение действий на основании заключенного договора поручения и выданной доверенности, то возникающие правоотношения будут регулироваться нормами как общей части, так и нормами особенной части о поручении.

Такой подход характерен для Германии, где он впервые был применен, а также Нидерландов, Швейцарии, Швеции, Италии, Португалии, Греции, России. В этих странах проводится четкая граница между полномочием представителя и его договором с принципалом. Следовательно, такие юридические системы различают уполномочие как одностороннюю сделку принципала с намерением наделить агента правом напрямую юридически связывать его и до-

говорное правоотношение между принципалом и агентом, которое устанавливает права и обязанности сторон во внутренней сфере.

Однако в континентальной системе не все страны придерживаются такого видения. По причинам более доктринального характера, во Франции теория исходит из того, что полномочие – лишь один из аспектов представительского соглашения между сторонами. Так, ст. 1984 французского Гражданского кодекса рассматривает полномочие лица юридически связать другое лицо как внешний эффект договора мандата [4, с. 914].

В российском Гражданском кодексе законодатель дает общее определение полномочия, возникающего как в силу закона, так и в силу частного волеизъявления. В пункте 1 статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливается следующее.

Сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона, либо акте уполномоченного на то государственного органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

Полномочие может также явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.)

Статья 971 Гражданского кодекса Российской Федерации дает определение представительского договора, построенного по концепции действие «от чужого имени»:

По договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия. Права и обязанности по сделке, совершенной поверенным, возникают непосредственно у доверителя.

Понятие договора поручения четко дает представление о том, что договор поручения – это прямое представительство, действие от имени другого лица в обороте с намерением изменить его юридическое состояние без намерения изменить собственное юридическое состояние.

В российском гражданском праве лицо не может совершить сделку от имени другого лица, основывая свое полномочие только на представительском договоре. Статья 975 Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве обязанностей доверителя называет обязанность выдать поверенному доверенность на совершение юридических действий, предусмотренных договором поручения. Это означает, что в российском гражданском праве отношения добровольного представительства между сторонами в любом случае оформляются доверенностью.

Сделка, заключенная представителем с третьим лицом, не зависит от того, основывались ли его полномочия только на доверен-

ности или на договоре поручения и доверенности, создает она, изменяет или прекращает юридические права и обязанности представляемого лица в российском гражданском праве.

Некоторые положения гл. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации «Представительство. Доверенность» содержат правила, разработанные для всего института представительства, которые применимы для иных общих вопросов представительства, а также для специфических, связанных с выдачей доверенности. К этим правилам относятся новый институт коммерческого представительства¹ и правила о конфликте интересов. Эти нормы по своей правовой сути напрямую направлены на регулирование отношений представительства в целом и безусловно справедливы не только для отношений, возникающих из договора поручения, но и для отношений, возникающих из договора комиссии².

Правила о конфликте интересов в представительстве – известная цивилистическая концепция, специально разработанная для любых отношений представительства (в том числе возникающих в силу закона). Правила о конфликте интересов в гражданском праве не берут свое начало из концепции представительства, а восходят к принципу добросовестного исполнения гражданско-правых обязательств³. Правила звучат следующим образом.

Представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично. Он не может также совершать такие сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев коммерческого представительства (пункт 3 статьи 83 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Сделка, заключенная с нарушением правил о конфликте интересов в представительстве, может быть признана недействительной (ничтожной) по иску представляемого лица.

Коммерческое представительство вводится ст. 184 Гражданского кодекса Российской Федерации. Коммерческий представитель –

---

¹ Нормы о коммерческом представительстве появились в российском праве впервые в ч. 1 Гражданского кодекса РФ, принятого 30 ноября 1994 г.

² Обоснование возможности применения данных общих норм института представительства к комиссионным отношениям в российской юридической науке является спорным. Данная проблема требует более обстоятельного аргументирования и поскольку лежит за пределами этого исследования не освещается подробно. Тем не менее, следует отметить, что возможность распространения правил о конфликте интересов в том или ином его звучании на деятельность комиссионного агента оговаривается на сегодняшний день в гражданском праве ряда государств (Германии, Нидерландов, Франции).

³ Конфликт интересов как ситуация, где существует опасность злоупотребления интересом другого лица в угоду собственному, известна и другим правовым институтам. Проблема конфликта интересов возникает в корпоративных отношениях, например, если директор компании хочет купить акции другой компании, где контрольный пакет принадлежит его жене.

это лицо, всегда предприниматель, который совершает постоянно и самостоятельно от имени предпринимателей сделки, связанные с предпринимательской деятельностью. Особенность правового режима коммерческого представительства согласно смыслу, заложенному в ст. 184, приводит к следующим правовым последствиям:

– коммерческий представитель может заключать сделки, в одно и то же время являясь представителем разных сторон¹ при выражении согласия всех представляемых лиц;

– коммерческий представитель может действовать *без доверенности*, что является прямым исключением из п. 1 ст. 182 и п. 1 ст. 975 Гражданского кодекса Российской Федерации, основывая свои полномочия только *на договоре* (п. 3 ст. 184);

– коммерческий представитель обязан сохранять в тайне ставшие ему известными сведения о торговых сделках и *после исполнения* данного ему поручения.

Понятие коммерческого представительства, данное в ст. 184, а также независимость правил о коммерческом представительстве от правил о доверенности, вытекающая из существа этих институтов (подтверждающаяся в том числе названием главы «Представительство. Доверенность»), позволяют сделать следующий вывод. Как только в представительских отношениях вне зависимости от того, на чем они основаны (на акте выдачи доверенности, договоре поручения или договоре комиссии), представитель объявляется субъектом предпринимательской деятельности, так все последствия ст. 184 Гражданского кодекса РФ вступают в силу.

Институт коммерческого представительства – исключительно достижение континентальной системы. Как уже отмечалось, английское право не вводит никаких квалифицирующих признаков для признания агентских отношений коммерческими и не конструирует особенных доктрин по этому поводу. Отношения представительства в прецедентном праве регулируются в этом смысле единой общей моделью агентирования.

---

¹ В данном случае правило о конфликте интересов с его изначально цивилистической природой (право принципала признавать сделку, содержащую конфликт интересов, ничтожной в силу п. 3 ст. 182 ГК), разрушается и вводится другое правило, дающее возможность сохранить сделку. Уровень экономических связей современного общества настолько высок, что не исключает гораздо более частых контактов между предпринимателями. Это может привести на практике к возникновению случаев одновременного представительства сторон в одной и той же сделке. Чтобы способствовать сохранению коммерческих отношений несмотря на это обстоятельство, законодатель гарантирует действительность сделки при определенных условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданское право. Учебник. В 2 т. Том II. Полутом 2 / Отв. ред. Е.А. Суханов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: БЕК. 2000. 544 с.
2. *Нерсесов Н.О.* Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М.: Статут, 1998. 332 с.
3. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Вступительная статья Е.А. Суханова. М.: СПАРК, 1995. 556 с.
4. *Beale H., Hartkamp A., Kotz H., Tallon D.* Cases, Materials and Text on Contract Law. Oxford and Portland, Oregon: Hart publishing, 2002. 993 p.
5. *Livermore S.* Treatise on the Law of Agency. Boston, 1811. 260 p.
6. *Paley.* A Treatise on the Law of Principal and Agent. London, 1812. 313 p.
7. *Stoliar.* The Law of Agency. London: Sweet & Maxwell, 1961. 341 p.
8. *Verhagen H.L.E.* Agency in Private International Law, the Hague Convention on the Law Applicable to Agency. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers in cooperation with the T.M.C. / Asser Instituut, The Hague, 1995. 431 p. (annex bibliography, table of cases, index. 25 p.).
9. *Zimmermann R.* The Law of Obligations, Roman Foundation of the Civilian Tradition, Juta & Co.; Ltd. Wetton, 2000. 656 p.
10. *Zweigert K and Kotz H.* Introduction to Comparative Law, Third Revised Edition, trans. Oxford T. Weir; Clarendon Press, 1998. 744 p.

RESUME

Gulnara Dinusievna Safiullina, researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, 8-950-206-42-71, youthfulness@mail.ru.

The continental concept of representation

The article describes the modern concept of representation in Russian Federation with reference to the legislation of continental European countries. The result of such comparison becomes the basis to draw parallels with English law of agency and to expose the essence of legal characteristics of civil law concept of representation.

Legal representation, consensual representation, acting in the name of the principal, commission, "extrapersonal effect", publicity principle, principle of independence, isolated authorization, conflict of interests, commercial agency.

Материал передан в редколлегию 22.05.2009 г.